

ЧЕМ объяснить нарастающий интерес широчайших читательских (и почитательских) кругов к Булгакову? Что это — подлинное величие, шекспировский масштаб таланта? Или некий точно задетый нерв современного человека? Или мода, работающая, подобно андерсеновским портняжкам, по принципу голого короля? Или некий баланс литературно-политических страстей?

Ответы на эти вопросы надо настаивать на хронологии, истории и т. п. Восприятие Булгакова в нашей стране развивалось по классической спирали. Первая вспышка современного, посмертного интереса к нему в интеллигентских кругах (пока только в интеллигентских) приходится на «хрущевскую оттепель». Что было характерно для этого интереса? Прежде всего любопытство: диковинная, мол, фигура, слухов о ней полным-полно, отчасти скандальных, главным образом туманных, но толком никто ничего сказать не может, потому что опубликованных текстов в библиотеках почти нет (они, и без того малочисленные, пребывают в спецхране), а неопубликованные тексты — потусторонний мир, Южная Африка древнегреческой мифологии. Потом — фрондерское сочувствие: писатель, запертый в тесные рамки собственных рукописей, писатель, не имеющий выхода на публику, — типичная жертва сталинского режима. Вот почему сердца передовых, мыслящих людей на его стороне.

Но на самом излете хрущевских лет, верней, на год-два позже, Булгаков выходит к несметным толпам потенциальных почитателей своей главной прозой: в середине шестидесятых публикуется — одна вещь за другой — это трепетное наследие: «Записки юного врача», «Театральный роман», «Белая гвардия», «Мастер и Маргарита». Булгаков становится общезвестным писателем — не скажу всеобщим любимцем, но, буду настаивать, несомненно сенсацией. Ведь вызов всему читательскому сонмищу, перчатка, брошенная к ногам всей искушенной читательской публики в «Мастере и Маргарите», не поднята с земли до сих пор. Все твердят, что роман сей велик и прелестен, но ведь никто пока не может похвастаться, что исходил его лабиринты вдоль и поперек.

Ну, а с другой стороны, встречаются и такие ценители литературы (и владельцы книжных шкафов): «Ах, вы знаете, я недавно достала «Мастера и Маргариту». И «Американский детектив», и «Фаворита», да, да, и «Фаворита»!..

Если говорить о расширении наших булгаковских горизонтов, приумножении булгаковских публикаций,

таким: Шекспир, Пушкин, Достоевский, Гоголь, ну, и, разумеется, Булгаков.

Не берясь за решение вопросов, находящихся в компетенции космических инстанций, вечности, бесконечности и т. п., определю булгаковское место и значение в нашей жизни. Он явился в литературу внутренне свободным человеком, и вот это качество — внутренняя

железнодорожная. Куда как просто смотрелось «Собачье сердце», когда я в начале шестидесят седьмого года, за двадцать лет до публикации, взвешивал шансы на его огласку со страниц все того же журнала «Москва», впервые познакомившего читателя с «Мастером». Я легко бросал налево и направо: «Собачье сердце» — большой

же, как и братья Вайнеры. Вот она, магическая сила булгаковского предвидения (или шутки теории вероятностей)! Елена Сергеевна, впрочем, сказала бы по-иному: «Штуки Волаанда!»

К творческой биографии Булгакова имеет отношение узбекская земля. Елену Сергеевну Булгакову в годы войны эвакуация забросила в Ташкент — на улицу Жуковского, если конкретней. Именно в Ташкенте с рукописью романа познакомилась Анна Ахматова, Фаина Раневская, другие люди искусства. В «Звезде Востока» была осуществлена первая публикация пьесы М. Булгакова «Блаженство» (1966, № 6). Знаменитый «землетрясенческий» номер той же «Звезды Востока» (1967, № 3) поместил на своих страницах фрагменты из «Записок на манжетах» — тоже впервые. В 1962 году я предлагал ташкентскому театру имени Горького комедию «Иван Васильевич» (позднее она стала драматургической основой фильма «Иван Васильевич меняет профессию»), а «Звезде Востока» — «Записки покойника» («Театральный роман»), но безуспешно. Булгаковская слава тогда была еще не так велика, чтоб перевесить страхи, сопутствовавшие мятежному имени автора.

Позже появился перевод на узбекский язык Кадыра Мирмухамедова «Мастера» и некоторых других вещей М. Булгакова. В конце прошлого года Издательство имени Гафура Гуляма выпустило большой том сатирической прозы — это практически половина его наследия. Наконец, рассказы о встречах с Еленой Сергеевной Булгаковой и статьи о творчестве писателя не раз появлялись на страницах ташкентских изданий. Булгаков и Восток — тема взволнованного эссе Тимура Пулатова. На филологических факультетах ташкентских вузов то и дело вспыхивают булгаковские диспуты, проходят конференции, пишутся дипломные работы и диссертации.

Но неомраченная творческая биография сатирика — сюжет исторически невероятный. И, конечно же, ташкентские страницы булгаковской биографии — в этом смысле не исключение. Вспоминается такой эпизод. В 1982 году в Ташкенте гастролировала московская «Таганка». Привез театр и инсценировку «Мастера». Угрозило меня тогда предложить «Правде Востока» свою рецензию (написана она была еще во время московской премьеры, но правдинская публикация под характерным названием «Сенсация черной магии на Таганке» рецензию надолго притормозила). «Правда Востока» рецензию напечатала. А газетное начальство, за конфронтацию с центральным органом получило сверху такой «втык», что лет пять шарашалось от меня, как от черта, куда более опасного, чем Волаанд.

Роман «Мастер и Маргарита» многолик, как само искусство: это романтика и реализм, живопись и ясновидение. Во многих смыслах (включая буквальный) это и роман тайн. Как все булгаковское творчество. Пути по материкам и океанам романов и повестей Булгакова ныне открыты каждому. И странствие остается неизменно увлекательным, потому что вчерашний Булгаков никогда не похож на сегодняшнего, а сегодняшний — на завтрашнего. И единственное пристанище в его перемещивом движении по белу свету — календарь, где стоит дата: 15 мая 1891 года — родился М. А. Булгаков.

А. ВУЛИС.

Правда Востока. - ташкент. - 1991. - 14 мая

К 100-летию

со дня рождения

Михаила Афанасьевича

Булгакова

МАСТЕР

то, конечно, решающий перелом происходит в перестроечные годы, когда журналы, издатели и толкователи торопливо, с некоторой даже избыточной энергией додают читателю недоданное. Подчас не могу избавиться от чувства, будто дело доходит до перелеста, до демьяновой ухи, когда и большим любителям Булгакова становится невольготу выслушивать все новые и новые хвалы в его адрес — и по радио, и по телевидению, и в периодике. Чувство такое, словно писателя через поглаживание, через лесть и ласку приручают, одомашнивают, дистиллируют, снимая его ершистость, его горечь, его бунт.

Итак, любопытство удовлетворено, фрондерство поблекло и осыпалось, как прошлогодняя сирень. А Булгаков продолжает свое победное шествие по городам, селам и сердцам. На каком же теперь он коне? Ну, понятно, на белом, понятно, на победном. И все же — что это за конь по своей природе? Для Елены Сергеевны Булгаковой, с которой мне довелось общаться несколько лет кряду — когда начиналась посмертная булгаковская слава, — для нее Булгаков был фигурой вселенского масштаба. Перечислительный ряд, куда дозвоительно было ставить его имя, ей представлялся

свобода — стало его талантом, его самобытным словом. В контексте социалистического реализма, омертвлявшего жизнь, кропявшего могильной водой своих схем душу живую, Булгаков оставался живой душой. Булгаков владел живой водой.

Помню остроту этого чувства: когда прочел первые строки Булгакова, возникло легкое головокружение, как от горного воздуха. И тут же ошарашил вопрос: как же так — в наше время пишет человек классику, переняв ее по прямой эстафете от этих полумифических титанов, а критика на это ни малейшего внимания не обращает. И вся нелитература в прах не рассыпается, никто на перекрестках о явившемся чуде не кричит?!

Значит, сила Булгакова — в связи с традицией? Сила всякого великого, всякого настоящего писателя — в его индивидуальном творческом, художественном даре, а уж потом — в связи с традицией или чем-нибудь еще. В формуле булгаковского таланта, помимо общелитературных ценностей (превосходный язык, владение сюжетом, изобразительный потенциал), я бы выделил еще две составные части. Искусство гармонии: архитектурная власть над пространством и композиционная — над временем. И вторая часть — пророчес-

желчный фельетон». Теперь, когда мы узнали столько правды о нашей истории, «Собачье сердце» потрясает удивительным сочетанием социального диагноза с социальным прогнозом.

Главная черта Булгакова-художника? Он именно художник. И в частности, живописец — обстоятельство, которое иными исследователями ставится под сомнение. Virtuозно работает писательская кисть, взыскательно отбирает краски. К примеру, для Пилата, начиная от «белой мантии с кровавым подбоем» и кончая многочисленными оттенками желтого в его динамическом (почти кинематографическом) портрете. А как эта кисть неистовствует, создавая огнедышащие, живые картины, соперничающие с Босхом, Куинджи или Брюлловым «Последнего дня Помпеи», в описаниях гроз и лунных ночей! Поистине, не будь Булгаков большим писателем, он стал бы большим живописцем.

Острие он умел незаметно. Или, вернее, заметно, да не для всех. Двусмыслицы применял с тактом, чтоб истинному ценителю они были видны, а профана благополучно миновали. Искусство, коим в совершенстве владел Гоголь, а среди наших современников — Зощенко, Ильф с Петровым. «С крыш хлестало мимо труб, из подворотен бежали пенные потоки. Все живое смылось с Садовой...» Смылось — в одном значении, буквально, и в другом — жаргонном.

Булгаковское наследие окружено ореолом загадочности по сей день. Ищут в романах, особенно в «Мастере», тайнописи, кабриолеты и прочее. Вот такая особенность «Мастера»: это роман о писателях, рассказчиках — мастерах и немастерах. Посмотрите повнимательней: Иешуа и Берлиоз, Иван Бездомный, Мастер и Левий Матвей, Волаанд и Коровьев — все они поглощены повествовательской деятельностью. Прямо не роман, а ПЕН-клуб какой-то. Естественно, многие эпизоды романа локализованы в Доме литераторов. И вот вдруг мы узнаем, что там «плясали: Драгунский, Чердакчи, маленький Денискин...» Немного погодя Иван Бездомный пробормочет фамилию Вайнер. Право же, чудеса! Ведь Булгаков, чье столетие нынче отмечается, умер в 1940 году, а Драгунский прославился «Денискиными расказами» — Денискинымими! — в шестидесятые годы, так

Парадное дома, где в 1921 году поселился М. А. Булгаков, давно уже стало местом обитания для почитателей его творчества, а точнее — романа «Мастер и Маргарита», действие которого стремительно разрушалось именно в этих стенах. Сегодня они испещрены объяснениями любви и Мастеру, цитатами из романа и замысловатыми автографами булгаковских «фанатов».

Пожоже, с легендарной квартирой № 50 в доме на Садовой, действительно происходит

что-то неладное. Как ни стараются энтузиасты организовать здесь общественный музей М. А. Булгакова, ничего не выходит: будто бесовские силы мешают. Волаанд же, с легкой руки писателя, прописался здесь играючи, и, видимо, — навсегда.

НА СНИМКЕ: парадное дома с «нехорошей квартирой» № 50.

Фотохроника ТАСС.